

„Калининъ“.

Новый рассказъ Горькаго.

Въ январской книжкѣ „Современника“ появится новый очеркъ М. Горькаго „Калининъ“. Это все тотъ же типъ человѣка, не мирящагося съ рамками обыденной жизни и потому бродящаго по Россіи. Онъ служилъ въ лакеяхъ, но одинъ случай въ жизни Калинина выбилъ его изъ колеи и заставилъ кореннымъ образомъ измѣнить жизнь. Онъ полюбилъ барышню въ томъ домѣ, гдѣ служилъ.

„Шелъ мнѣ девятнадцатый годъ, когда она появилась, и какъ я взглянулъ на нее — такъ и понялъ, что въ ней моя судьба, — даже сердце замерло, и вся жизнь полетѣла, какъ пылинка, въ огонь... Лѣтъ ей—Валентинѣ Игнатьевнѣ—было двадцать пять, можетъ—побольше... очень красивая! Просто —удивительная! Была она сирота: папашу текинцы убили, маманя въ Самаркандѣ отъ оспы померла... Генералу она приходилась племянницей по женѣ. Барышня рыжеватая и бѣлая, какъ фарфоръ съ золотомъ, глаза—изумруды... Акуратная такая вся... словно просвира“ ...

Калининъ подсунулъ барышнѣ стихи, написанные для него товарищемъ.

— Это вы, Алексѣй, написали?—спросила Валентина Игнатьевна.

— Такъ точно,—говоритъ,—простите, Христа ради!

— У васъ,—говоритъ,—есть фантазія и это очень жалко, потому, что я занята: дядя меня выдаетъ за доктора Клячку, ничего невозможно сдѣлать.

Обомлѣвъ я: такъ ласково и сожалительно она сказала.

Калининъ написалъ новые стихи.

— Нашла она стихи,—нехотя, противъ воли говорилъ онъ,—кликнула меня къ себѣ, спрашиваетъ:

— Какъ же намъ быть, Алексѣй?

А сама—полуодѣта, чуть не всю грудь мнѣ видно и ноги голыя, въ однихъ туфелькахъ; сидитъ на креслѣ, качаетъ ножкой, дразнить.

— Какъ же намъ быть?—говоритъ.

— Развѣ я знаю? Меня, словно, и нѣтъ на землѣ.

— Вы умѣете молчать?—спрашиваетъ она.

— Я—головой киваю, совсѣмъ онѣмѣвши.

Нахмурилась она, встала, взяла какія-то двѣ баночки, отсыпала изъ нихъ порошокъ въ конвертъ, даетъ мнѣ и говоритъ:

— Я,—говоритъ,—вижу одинъ исходъ изъ мукъ нашихъ египетскихъ: вотъ—порошокъ, докторъ сегодня обѣдаетъ у насъ, такъ высыпьте ему порошокъ этотъ въ тарелку, и черезъ нѣсколько дней я буду свободна для васъ!

Перекрестился я, взявъ конвертъ, а у меня—туманъ въ глазахъ, и маже ноги окоченѣли.

Не помню, что со мной было, обмеръ я изнутри, и до самаго прихода Клячки этого ничего не понималъ.

Онъ былъ добрый... кромѣ того, что на чай жирно давалъ и вообще всегда какъ-то говорилъ со мной отлично... будто я не лакей...

... Понялъ я, что не могу отравить его, а нужно самому мнѣ принять порошокъ этотъ, да, самому!

Калининъ принялъ порошокъ, а въ столовой слышалъ веселый смѣхъ и разговоръ. Генералъ говорилъ:

— Вотъ онъ—народъ вашъ, что-съ? Онъ за пятакъ на все согласенъ.

А возлюбленная моя кричитъ:

— Дядя! Развѣ мнѣ пятакъ цѣна?

И докторъ тоже говоритъ:

— Ты ему что дала?

— Соды съ кислотой. Господи, вотъ смѣшно будетъ...

... Сначала обрадовался я, что не умру—сода съ кислотой—это не вредно, это съ похмѣлья пьютъ. А потомъ вдругъ ударило меня соображеніе: развѣ можно такъ шутить? Вѣдь я же—не кутенокъ!.. Все-таки, стало легче мнѣ. Начали обѣдать, подаю бульонъ въ чашкахъ, всѣ молчатъ. Докторъ первый отвѣдалъ бульонъ, поднялъ банку, сморщился и спрашиваетъ:

— Позвольте, что такое?

Ну, нѣтъ, думаю, не удалось вамъ, господа, пошутить. Да и говорю вполне вѣжливо:

— Не извольте беспокоиться, господинъ докторъ, порошокъ я самовольно принялъ...

Генералъ съ генеральшей не поняли, что шутка не состоялась, и—хохочутъ, а тѣ двое—молчать, глаза у Валентины Игнатьевны большіе-большіе сдѣлались, и тихонько такъ она спрашиваетъ:

— А вы знали что за порошокъ это?

— Нѣтъ,—говорю,—когда принималъ — не зналъ! И тутъ я свалился съ ногъ, лишившись чувствъ своихъ окончательно... Хвиралъ я семнадцать дней... Валентина Игнатьевна ни одного разу не заглянула ко мнѣ... Такъ я ее никогда и не видалъ больше...

Послѣ этого случая Калининъ отказался отъ службы и пошелъ бродяжить, желая жить для себя, а не для другихъ. („Мос. Газ.“)